

207

*Зинченко В. П. Сознание как предмет и дело психологии*¹

В статье рассматривается возможная структура сознания, включающая три слоя: бытийный, рефлексивный и духовный. Бытийный слой образуют взаимодействующие биодинамическая ткань действия и чувственная ткань образа; рефлексивный — взаимодействующие значения и смыслы; духовный — взаимодействующие Я — Ты (Другой). Анализируются взаимоотношения слоев и их образующих в целом сознании. Рассматриваемые на каждом из слоев виды взаимодействий представляют собой противоположно направленные процессы субъективации объективного и объективации субъективного. Подобная трактовка дает дополнительные основания для расширения понятия объективного и включения в него субъективного. Автор считает, что давняя мечта П. Я. Гальперина о том, чтобы психология стала объективной наукой о субъективном мире человека медленно, но верно приобретает вполне реальные очертания. Развитие сознания благодаря наличию разных образующих, рассматривается не линейно, а как гетерогенез, не последовательно, а как единый синхронистический акт.

Ключевые слова: биодинамическая ткань, чувственная ткань, значение, смысл, Я -Ты (Другой), бытие, рефлексия, духовность, редукционизм, гетерогенез.

Игра и жизнь
сознания —
слово на слово, диалог.
Г. Г. Шнем

1. Онтологический аспект проблемы сознания

Проблема сознания, возникнув в лоне философии, стала объектом размышлений и исследований большого числа наук. Едва ли какая-либо из них, включая психологию, способна выделить собственный предмет

¹ Статья написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Грант № 05-06-80509.

изучения сознания в сколько-нибудь чистом виде. С этим связано название статьи. Я не уверен, удастся ли мне отчетливо определить предмет психологического изучения сознания, но представить его как задачу и наметить, по крайней мере, некоторые пути ее решения я попытаюсь. Трудности представления сознания как предмета психологии усугубляются тем, что сама психология, как наука, не может похвастаться строгостью определения своего собственного предмета. Здесь имеется несколько вариантов. Самый простой — это привычные тавтологии: психология — наука о психике... И далее следует не слишком длинное перечисление

208

психических процессов и функций, в число которых иногда попадает и сознание. Встречается безразмерное очерчивание предметной области изучения психологии, в которую частично попадают более или менее далекие науки, называемые смежными. По поводу такого представления психологии даже вспоминается гоголевский Ноздрев: до леса — мое, лес — мой, за лесом — тоже мое. (Некоторое, правда, слабое оправдание подобной экспансии состоит в том, что точно так же по отношению к психологии поступают другие науки, прежде всего физиология.) Наконец, встречается и неоправданное сужение предмета психологии, например, когда в качестве такового выделяется отождествляемая с психикой ориентировочная функция различных форм деятельности. В таком определении с трудом можно найти место для сознания. Исторические (с позволения сказать) корни подобного сужения предмета психологии лежат в происходившем в 50-е гг. XX в. насильственном внедрении в психологию учения И. П. Павлова об условных рефлексах. К чести психологов следует сказать, что они в качестве предмета психологии взяли не любые рефлексы, а рефлекс «Что такое?». В итоге, правда, оказалось, что исследования ориентировочно-исследовательской деятельности, выполненные П. Я. Гальпериным, А. В. Запорожцем, Е. Н. Соколовым и др., составили одну из славных страниц советской психологии, но все же только одну. Между прочим, П. Я. Гальперин, более других настаивавший на таком узком определении предмета психологии, мечтал о времени, когда психология станет объективной наукой о субъективном мире человека (и животных). Под такое определение естественным образом попадают сознание, самосознание и даже душа.

К задаче определения предмета науки нужно отнестись *cum grano salis*, следуя совету Г. Г. Шпета: «Для науки предмет ее — маска на балу, аноним, биография без собственного имени, отчества и дедовства героя. Наука может рассказать о своем предмете мало, много, все, одного она никогда не знает и существенно знать не может — что такое ее предмет, его имя, отчество и семейство. Они — в запечатанном конверте, который хранится под тряпьем Философии... Много ли мы узнаем, раздобыв и распечатав конверт?... Узрим ли смысл? Уразумеем ли разум искусств? (добавим и наук — В. З.). Не

вернее ли, что только теперь и задумываемся над ними, их судьбою, уйдем в уединение для мысли о смысле?» [28, с. 346—347].

Опыт истории советской науки учит тому, что лучше не иметь строгого определения предмета науки и иметь свободу научной работы, чем иметь такое определение и не иметь свободы. Свобода же нужна для уразумения разума и смысла науки и для конструирования предмета собственного исследования. На деле так и бывает, и ученые вольно или невольно, в силу логики дела предпринимают попытки представить те или иные разделы психологии, например, деятельность, личность, мышление, то же сознание как объекты монодисциплинарного или междисциплинарного исследования [4]. Такая свобода не лишена лукавства, но, на мой взгляд, достаточно невинного. Его не лишена и настоящая статья. И все же я постараюсь не выходить, во всяком случае далеко за рамки психологии.

Основные трудности как монодисциплинарного, так и междисциплинарного исследования сознания связаны

209

с необходимостью преодоления или даже отказа от оппозиции сознания и бытия, как, впрочем, и от оппозиции материи и сознания. Бинарные оппозиции утратили свой кредит, перестали порождать смыслы. М. К. Мамардашвили говорил о «квазипредметном» и «феноменологическом» характере сознания, называл феномены сознания «духовно-телесным и образованиями», «третьими вещами». До него Г. Г. Шпет называл сознание «социальной вещью».

Категория сознания, равно как и категории деятельности, субъекта, личности, принадлежит к числу фундаментальных и вместе с тем предельных абстракций. Задача любой науки, претендующей на изучение сознания, состоит в том, чтобы наполнить его конкретным онтологическим содержанием и смыслом. Ведь сознание не только рождается в бытии, не только отражает и, следовательно, содержит его в себе, разумеется, в отраженном или искаженном свете, но и творит его. (По отношению к некоторым субъектам возникают запоздалые сожаления: лучше бы их сознание только отражало мир.) Лишь после такого наполнения, а не в своей сомнительной чистоте, живое сознание выступает в качестве объекта экспериментального изучения, а затем, при определении и согласовании онтологии сознания, и в качестве объекта междисциплинарного исследования.

Задача онтологизации сознания не является новой для психологии. Оно до сего времени редуцируется и, соответственно, идентифицируется с такими феноменами, как отчетливо осознаваемый образ, поле ясного внимания, содержание кратковременной памяти, очевидный результат мыслительного акта осознание собственного Я и т. п. Во всех этих случаях подлинные акты сознания, подменяются его внешними и часто убогими результатами, т.е. теми или иными известными эмпирическими и доступными самонаблюдению феноменами. Может вызвать сомнение отнесение

подобных феноменов к онтологии сознания в силу их очевидной субъективности. Однако есть большая правда в давнем утверждении А. А. Ухтомского, что субъективное не менее объективно, чем так называемое объективное. Во всех новых формах воспроизводятся стереотипы (клише), связанные со стремлением найти и локализовать сознание в структурных образованиях материальной природы. Например, локализация сознания в мозгу, в его нейрофизиологических механизмах (в том числе анекдотические поиски нейронов сознания) привлекает многих исследователей возможностью использования экспериментальных техник, традиционно сложившихся для изучения объектов естественной (не социальной) природы. На ученых не действуют предупреждения замечательных физиологов и нейропсихологов (от Ч. Шеррингтона до А. Р. Лурии) о бесперспективности поисков сознания в мозгу. Сто лет тому назад неосновательность притязаний физиологической психологии на всю сферу психологии убедительно аргументировал Г. Г. Шпет [29]. Но физиологический редукционизм неистребим. Его питает не менее нелепый компьютерный редукционизм, замахнувшийся не только на сознание, но и на самость. Оба вида редукционизма имеют в качестве своей предпосылки предельное упрощение функций и процессов сознания, или, как у талантливого популяризатора собственных идей Д. Деннета, — замена их собственными фантазмами вроде

210

«пандемониума гомункулусов» или некоего fame — в смысле мимолетной известности или промелькнувшей славы [31, с. 109]. Н. С. Юлина приводит разумное заключение К. Поппера: если физика не может объяснить сознание, тем хуже для физики. Добавим, что это же относится и к физиологии.

Более успешными и перспективными следует признать продолжающиеся поиски материи сознания в языке. Несмотря на спорность как традиционных, так и новейших попыток идентификации сознания с теми или иными психическими актами или физиологическими отправлениями, само их наличие свидетельствует о сохраняющемся в психологии стремлении к онтологизации феноменов сознания, к определению его функций и к конструированию сознания как предмета психологического исследования. Вместе с тем ни одна из многочисленных форм редукции сознания, несмотря на всю их полезность с точки зрения описания его феноменологии и возможных материальных основ, не может быть признана удовлетворительной. Это связано с тем, что объекты, к которым оно редуцируется, не могут даже частично выполнить реальные функции сознания. К их числу относятся отражательная, порождающая (творческая), регулятивно-оценочная, диалогическая и рефлексивная функции. Сознание полифункционально — по М. М. Бахтину — полифонично и его функции этим перечислением не ограничены.

Рефлексивная функция является, конечно, основной: по-видимому, именно она характеризует сущность сознания. Благодаря рефлексии оно

мечется в поисках смысла бытия, жизни, деятельности: находит, теряет, заблуждается, снова ищет, создает новые смыслы и т. д. Оно напряженно работает над причинами собственных ошибок, заблуждений, крахов. Мудрое сознание знает, что главной причиной крахов является его свобода по отношению к бытию, но отказаться от свободы значит то же, что отказаться от самого себя. Поэтому сознание, выбирая свободу, всегда рискует, в том числе и самим собой. Это нормально. Трагедия начинается, когда сознание мнит себя абсолютно свободным от натуральной и культурной истории, когда оно перестает ощущать себя частью природы и общества, освобождается от ответственности и совести и претендует на роль Демиурга. Последнее возможно при резком снижении способностей индивида к критике и деформированной самооценке, вплоть до утраты сознания себя человеком или признания себя сверхчеловеком, что в сущности одно и то же.

В качестве объекта рефлексии выступают и образы мира, и мышление о нем, основания и способы регуляции человеком собственного поведения, действий, поступков, сами процессы рефлексии и, наконец, собственное, или личное, сознание. Исходной предпосылкой конструирования сознания как предмета исследования должно быть представление о нем не только как о предельной абстракции, но и как о вполне определенном культурно-историческом образовании, органе жизни. Тот или иной тип культуры вызывает к жизни представление о сознании как об эпифеномене или представление о сознании, почти полностью редуцированном к бессознательному. Такие представления являются не только фактом культуры, но фактором ее развития. Беспримерно влияние психоанализа

211

на культуру XX в. В настоящее время культура как никогда нуждается в развитии представлений о сознании как таковом во всем богатстве его бытийных, рефлексивных, духовных свойств и качеств, о сознании творящем, действенном и действующем. Культура взывает к сознанию общества, вопиет о себе [11].

Возникает вопрос: а доступно ли такое всеильное и всемогущее сознание научному познанию? Хорошо известно, что для того, чтобы разобраться в предметной ситуации, полезно подняться над ней, даже отстроиться от нее, превратить «видимый мир» в «видимое поле» (термины Д. Гибсона). Последнее более податливо для оперирования и манипулирования элементами (образами), входящими в него. Но сознание — это не видимый и тем более не вещный мир. И здесь возможны два способа обращения с ним. Можно либо отстроиться от него, либо попытаться его опредметить. В первом случае есть опасность утраты сознания как объекта наблюдения и изучения, во втором — опасность неадекватного опредмечивания. К началу 60-х гг. относится появление первых моделей когнитивных и исполнительных процессов, зарождение когнитивной психологии, которая затем, чтобы их оживить (одушевить), заселяла блоковые модели изучаемых ею процессов демонами и гомункулусами, осуществляющими выбор и

принимающими решение. Скептицизм по поводу включения демонов и гомункулусов в блоковые модели когнитивных процессов вполне оправдан. Но не нужно забывать о том, что включению каждого из блоков в систему переработки информации в кратковременной памяти или более широких когнитивных структур предшествовало детальное экспериментальное изучение той или иной скрывающейся за ним реальности субъективного, своего рода физики приема, хранения, преобразования, выбора той или иной информации. Демоны выполняли координирующую, смысловую, в широком значении слова рефлексивную функцию. В. А. Лефевр, не прибегая к потусторонним силам, сначала нарисовал душу на доске, а затем постулировал наличие в человеческом сознании «рефлексивного компьютера». Более интересным выглядит его предположение о наличии у живых существ фундаментального свойства, которое он назвал установкой к выбору [20]. Но при всей важности анализа процедур рефлексивного выбора к ним едва ли можно свести всю жизнь сознания. Речь должна идти о том, чтобы найти место рефлексии в жизни индивида, его деятельности и сознании. При этом не следует пренебрегать опытом изучения перцептивных, мне-мических, интеллектуальных, исполнительных процессов, т.е. той реальной, пусть недостаточно еще одушевленной физикой, которая существует в психологии. Как бы то ни было, но сейчас попытки опредметить, объективировать сознание, действовать с ним как с моделью не должны вызывать удивления.

2. Из истории исследования сознания

Полезно напомнить достижения и утраты отечественной науки о сознании последнего столетия. История проблемы сознания в отечественной психологии еще ждет своего исследователя. Схематически она выглядит следующим образом. После плодотворного предреволюционного периода, связанного с именами С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, В.С. Соловьева, С. А. Флоренского, Г. И. Челпанова, Г. Г. Шпета,

212

внесших существенный вклад не только в философию, но и в психологию сознания, уже в ранние 20-е гг. проблема сознания начала вытесняться. На передний план выступила реактология со своим небрежением к проблематике сознания, и психоанализ со своим акцентом на изучении бессознательного. Оба направления тем не менее претендовали на монопольное право развития подлинно марксистской психологии. Началом 20-х гг. можно датировать зарождение деятельностного подхода в психологии. С. Л. Рубинштейн также связывал этот подход с марксизмом, что, кстати говоря, было более органично, по сравнению с психоанализом и реактологией. Проблемами сознания частично продолжали заниматься С. А. Флоренский и Г. Г. Шпет, работы которых в то время (и позднее), к сожалению, не оказали сколько-нибудь заметного влияния на развитие

психологии. В середине 20-х гг. появились еще две фигуры — М. М. Бахтин и Л. С. Выготский — целью которых было понимание сознания, его природы, функций, связи с языком, словом и т. д. Для обоих, особенно для М. М. Бахтина, марксизм был тем, чем он являлся на самом деле, т. е. лишь одним из методов, средств понимания и объяснения.

В 30-е гг. страна практически потеряла сознание и даже бессознательное как в прямом, так и в переносном смысле (Л. С. Выготский скончался, М. М. Бахтин был сослан, затем стал заниматься литературоведением, С. А. Флоренский и Г. Г. Шпет были расстреляны; З. Фрейд был запрещен, психоаналитические службы закрыты). Сознание было объявлено чем-то вторичным, второсортным, а затем заменено идеологией, формировавшей не «нового человека» (по М. Горькому), а «серого человека» (по М. Зощенко). Менялся и облик народа: деформировались общечеловеческие ценности. Точнее, происходила их поляризация. С одной стороны — «Нам нет преград...», с другой — парализующий страх, уживавшийся с требованием жертвенности — «И как один умрем...». Утрачивалась богатейшая палитра высших человеческих эмоций, культивировались низменные: беспредел человеческой жестокости, предательство, шпиономания и т. д.

Культура, интеллигентность тщательно скрывались или маскировались цитатной шелухой, уходили в подтекст. В этих условиях заниматься сознанием стало опасно, и его изучение ограничилось такими относительно нейтральными нишами, как исторические корни возникновения сознания и его онтогенез в детском возрасте. Последователи Л. С. Выготского (А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, П. И. Зинченко и др.) переориентировались на проблематику психологического анализа деятельности и психологии действия. Так же, как и С. Л. Рубинштейн, они, хотя и не всегда органично, но тем не менее интересно и продуктивно, связывали эту проблематику с марксизмом. Затем им пришлось связывать эту же проблематику с учением об условных рефлексах И. П. Павлова, даже с агробиологией Т. Д. Лысенко — всех добровольно-принудительных, но, к счастью, временных связей не перечислить.

Возврат к проблематике сознания в ее достаточно полном объеме произошел во второй половине 50-х гг. прежде всего благодаря трудам С. Л. Рубинштейна, а затем и А. Н. Леонтьева. Нужно сказать, что для выделения сознания в качестве предмета психологического исследования в равной степени

213

необходимо развитие культурно-исторического и деятельностного подходов к сознанию и психике.

Ложность натуралистических трактовок сознания и инкапсуляции его в индивидуе понимали М. М. Бахтин и Л. С. Выготский. Первый настаивал на полифонии сознания и на его диалогической природе. Второй говорил о том, что все психические функции, включая сознание, появляются (проявляются?) в совместной деятельности индивидов. Л. С. Выготский особенно

подчеркивал значение эмоциональной сферы в развитии сознания, выделял переживание, в качестве единицы его анализа. Трудно переоценить роль различных видов общения в возникновении и формировании сознания. Оно находится не в индивидуе, а между индивидами, хотя оно может быть и моим, и чужим, и ничьим сознанием. Конечно же, сознание — это свойство индивида, но в не меньшей, если не в большей мере оно есть свойство и характеристика коллектива, «собора со всеми», меж- и над-индивидуальных или трансперсональных отношений. Интериоризации сознания, прорастанию его в индивидуе всегда сопутствует возникновение и развитие оппозиций: Я — другой, Я — второе Я. Это означает, что сознание отдельного индивида сохраняет свою диалогическую природу и, соответственно, к счастью, не полную социальную детерминацию. Ему трудно отказать в спонтанности, на чем особенно настаивал В. В. Налимов.

Не менее важно преодоление так называемой мозговой метафоры при анализе механизмов сознания. Сознание, конечно, является продуктом и результатом деятельности органических систем, к числу которых относятся не только нервная система, но и индивид, и общество. Важнейшим свойством таких систем, согласно К. Марксу, является возможность создания недостающих им функциональных органов, своего рода новообразований, которые в принципе невозможно редуцировать к тем или иным компонентам исходной системы.

В нашей отечественной традиции А. А. Ухтомский, Н. А. Бернштейн, А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец к числу функциональных (а не анатомо-морфологических органов) отнесли живое движение, предметное действие, душевный интеграл, интегральный образ мира, установку, эмоцию, доминанту души и т. д. В своей совокупности они составляют духовный организм. В этом же ряду или, скорее, в качестве суперпозиции функциональных органов должны выступать личность и сознание. Последнее, как и любой функциональный орган, обладает свойствами, подобными анатомо-морфологическим органам: оно эволюционирует, инволюционирует, оно текуче, реактивно, чувствительно. Естественно, оно приобретает и свои собственные свойства и функции, о которых частично шла речь выше. Это диалогизм, полифония, спонтанность развития, рефлексивность.

В соответствии с идеей Л. С. Выготского сознание имеет смысловое строение. Смыслы укоренены в бытии (Г. Г. Шпет), существенными аспектами которого являются человеческая деятельность, общение, действие и само сознание. М. К. Мамардашвили настаивал на том, что бытие и сознание представляют собой единый континуум. Смыслы не только укоренены в бытии, но и воплощаются, опредмечиваются в действиях, в языке — в отраженных и порожденных образах, в метафорах, в символах.

214

От перечисления свойств и функций сознания очень трудно перейти к очерчиванию предметной области, представляющей, так сказать, целое

сознание в собственном смысле слова. Указания на многочисленные эмпирические феномены явно недостаточны, в то же время несомненно, что исследование процессов формирования образа мира, происхождения и развития произвольных движений и предметных действий, запоминания и воспроизведения, мыслительной деятельности, различных форм общения, личностно-мотивационной сферы, переживаний, аффектов, эмоций дает в качестве побочного результата знания о сознании. Но эти знания упорно сопротивляются концептуализации, не складываются в живое, целостное сознание. В каждом отдельном случае оно появляется и исчезает. От него, как от Чеширского Кота, остается одна улыбка. Но, если даже не остается, — не беда. Это ведь не fame Д. Деннета. Место улыбки или гримасы сознания занимает его реальная деятельность, дело. Поскольку предметная область, называемая сознанием, далеко не всегда дается непосредственно, ее нужно принять как заданную, сконструировать. Разумеется, столь сложное образование, обладающее перечисленными (не говоря уже о скрытых и неизвестных) свойствами и функциями, должно было бы обладать чрезвычайно сложной структурой. В качестве первого приближения ниже будет предложен вариант достаточно простой структуры. Но за каждым из ее компонентов скрывается богатейшее феноменологическое и предметное содержание, огромный опыт экспериментального исследования, в том числе и функционально-структурные, моделирующие представления этого опыта. Все это накоплено в различных направлениях и школах психологии. Нам важно не столько подвести итоги этого опыта, сколько показать, что на этой структуре может разыгрываться живая жизнь сознания. Структура — это, конечно же, не сознание, но из нее, если она правдоподобна, должны быть не только выводимы важнейшие его функции и свойства, но и выясняться их координация и взаимодействия между ними. Тогда она выполнит свою главную функцию — функцию «интеллигибельной материи».

3. Структура сознания и ее образующие

Одни из первых представлений о структуре сознания принадлежат З. Фрейду. Применяя топографический подход к психическим явлениям, он выделил сознательное, предсознательное и бессознательное и определил их как динамические системы, обладающие собственными функциями, процессами, энергией и идеационным содержанием. Эта, принятая культурой XX в. структура сознания (или классификация его видов?) для психологии оказалась недостаточно эвристичной. Несмотря на то, что в ней именно на бессознательное ложится основная функция в объяснении целостного сознания, многим поколениям психоаналитиков и психологов не удалось раскрыть механизмы работы целого сознания. В настоящем контексте существенно подчеркнуть, что речь идет не о критике З. Фрейда и тем более не об отрицании бессознательного. Оно представляет собой хорошо известный эмпирический феномен, описанный задолго до З. Фрейда как вестибюль (или подвал) сознания. Более того, наличие категории и

феноменов бессознательного и подсознания представляет собой непреодолимую

215

преграду для любых форм редукции сознания и психики [16]. Любопытно было бы представить себе нейроны бессознательного! Особенно соблазнительно их найти в ознаменование 150-летия З. Фрейда. Правда, это обязывает искателей принимать бессознательное не в пустом, а в несущем на себе огромный опыт психоаналитических исследований смысле.

Если говорить серьезно, то речь должна идти о том, чтобы найти новые пути к анализу сознания, когда подсознание и бессознательное вообще не обязательны как средство (и тем более как главная цель) в изучении сознания. В теоретико-познавательном плане бессознательное давно стало подобием некоторой емкости, в которую погружается все непонятное, неизвестное, загадочное или таинственное, — например, интуиция, скрытые мотивы поведения, неразгаданные смыслы и т. п.

Значительно более продуктивной является давняя идея Л. Фейербаха о существовании сознания для сознания и сознания для бытия, развивавшаяся Л. С. Выготским. Можно предположить: это не два сознания, а единое сознание, в котором существуют два основных слоя: бытийный и рефлексивный (о духовном слое сознания разговор будет далее). Возникает вопрос: что входит в эти слои, что их конституирует. Здесь весьма полезен ход мысли А. Н. Леонтьева, который выделил три основных образующих сознания: чувственную ткань образа, значение и смысл. Удивительно, что один из создателей психологической теории деятельности не включил в число образующих биодинамическую ткань движения и действия. Ведь именно А. Н. Леонтьев, развивая идеи о возникновении сознания в истории человечества, выводил его из совместной деятельности людей. В середине 30-х гг. А. В. Запорожец рассматривал восприятие и мышление как сенсорные и умственные действия. Тогда же П. И. Зинченко изучал запоминание как мнемическое действие. В 1940 г. С. Л. Рубинштейн, видимо, под влиянием этих исследований пришел к заключению, что действие является исходной клеточкой, в которой можно найти зачатки всех элементов психологии человека. Но, пожалуй, главным было то, что Н. А. Бернштейн уже ввел понятие живого движения и его биодинамической ткани, о чем было хорошо известно А. Н. Леонтьеву. При добавлении к числу образующих сознания биодинамической ткани мы получаем двухслойную, или двухуровневую, структуру сознания. Бытийный слой образуют биодинамическая ткань живого движения и действия и чувственная ткань образа. Рефлексивный слой образуют значение и смысл.

Все компоненты (образующие) предлагаемой структуры уже построены как предметы научного исследования. Каждому из них посвящены многочисленные исследования, ведутся дискуссии об их природе, свойствах, ищутся все новые и новые пути их анализа. Конечно, каждое из этих образований изучалось как в качестве самостоятельного, так и в более

широком контексте, в том числе и в контексте проблемы сознания, но они не выступали как компоненты его целостной структуры. Тем не менее накопленный опыт их исследования полезен, более того, необходим для ее предварительного описания. Это, разумеется, не исключает, а, напротив, предполагает, что включение всех компонентов в целостный контекст структуры сознания задаст новые требования к дальнейшему

216

изучению каждого из них в отдельности и приведет к постановке новых задач и проблем, связанных с выявлением существующих между ними взаимоотношений.

Описание каждого из компонентов структуры требует монографического изложения. Здесь мы ограничимся лишь указанием на те их свойства, которые облегчат понимание предлагаемой структуры сознания [4; 10; 15]. Начнем ее описание с компонентов рефлексивного слоя сознания.

Значение. В психологической традиции этот термин в одних случаях употребляется как деловое значение слова, в других — как значения, репрезентирующие содержание общественного сознания, усваиваемого индивидом. Понятие значения фиксирует то обстоятельство, что сознание человека развивается не в условиях робинзонады, а внутри культурного целого, в котором исторически кристаллизован опыт деятельности, общения и мировосприятия. Индивиду необходимо его не только усвоить, но и построить собственный опыт. Значение рассматривалось как форма сознания, т. е. осознания человеком своего — человеческого — бытия. Оно же рассматривалось и как реальная психологическая «единица сознания» [19; 25], и как факт индивидуального сознания.

Имеются различные классификации видов значения. Одна из них особенно важна: операциональные, перцептивные, предметные, вербальные. Это не только классификация, но и примерная последовательность их возникновения в онтогенезе. Операциональные связывают значение с биодинамической тканью, перцептивные — с чувственной, предметные — со смыслом, вербальные — с социальным опытом, культурой. Имеются данные о формировании каждого из видов значений, правда, наиболее детально изучено формирование житейских и научных понятий (значений). Интересна классификация значений, предложенная Г. Г. Шпетом в связи с анализом функций слова. Он различает два вида значений. К значениям первого порядка он относит прямое и предметное «деловое» значение; здесь «выражение» (возможно, даже не обязательно вербальное) выполняет свою прямую собственно *значащую* функцию. Если обратиться к самим желаниям, намерениям «выражающего» нечто индивида, то мы придем к новому порядку «значений» — значений «второго порядка». Здесь имеет место узкий смысл «выражения», как «обнаружение» или «проявление *экспрессии*»: «Мы начинаем строить догадки о том, как *переживает* сам выражающий содержание своих выражений. Для нас выступает здесь как бы новый ряд значений: дело идет не только о настроении данного момента у

выражающего, а обо всем, что обуславливает этот момент, о его склонностях вообще, привычках, вкусах, о том, что немцы называют *Gesinnung*, и вообще о всем укладе его души, представляющем собой весьма сложный коллектив переживаний» [29, с. 490]. «Коллектив переживаний» в целом, носимый в себе индивидом, Г. Г. Шпет обозначает как его *духовный уклад* и в нем он ищет значения «второго порядка». Ясно, что эти последние, равно как и *духовный уклад*, имеют самое тесное отношение к сознанию. Г. Г. Шпет использует также близкий к значению «второго порядка» термин «со-значение», которое слышится за голосом автора и дает возможность догадываться о *его* мыслях, подозревать *его* поведение, проникать

217

как бы в некоторый особый *интимный* смысл, имеющий свои интимные формы [28, с. 470].

Смысл. Понятие смысла в равной степени относится и к сфере сознания, и к сфере бытия. «Жизнь есть требование от бытия смысла и красоты» — это максима А. А. Ухтомского. Бытие может быть оправдано только смыслом. Понятие смысла указывает на то, что индивидуальное сознание несводимо к безличному знанию, что оно в силу принадлежности живому индивиду и реальной включенности в систему его деятельностей всегда страстно; короче, что сознание есть не только знание, но и отношение. «Смысл — не вещь, а отношение вещи (называемой) и предмета (подразумеваемого» [28, с. 422]. Понятие смысла выражает укорененность индивидуального сознания в бытии человека, а рассмотренное выше понятие значения — подключенность этого сознания к сознанию общественному, к культуре. Нашупываемые пути изучения смыслов связаны с анализом процессов извлечения (вычерпывания) смыслов из ситуации или «вчитывания» их в ситуацию, что также нередко бывает.

Исследователи, предлагающие различные варианты функциональных моделей восприятия, действия, кратковременной памяти и т. п., испытывают большие трудности в локализации блоков смысловой обработки информации, т. к. они постоянно сталкиваются со случаями, когда смысл извлекается из ситуации не только до кропотливого анализа значений, но даже и до сколько-нибудь отчетливого ее восприятия. Исследователи в большей степени направляют свои усилия на поиск рациональных способов оценки ситуации. Значительно меньше известно о способах эмоциональной оценки смысла ситуации, смысла деятельности и действия. Выше говорилось о том, что смысл укоренен в бытии, в деятельности, в действии. Большой интерес представляют исследования того, как смыслы рождаются и осуществляются в действии.

Смыслы, как и значения, связаны со всеми компонентами структуры сознания. Смыслы витают над двигательными, перцептивными и умственными действиями как смыслы соответствующих задач. Наиболее очевидны отношения между значениями и смыслами, существующие в рефлексивном слое сознания. Они могут характеризоваться по степени

адекватности, например, клиника дает примеры полной диссоциации смыслов и значений. Великие мнемонисты способны запоминать огромные массивы бессмысленной информации, но испытывают трудности извлечения смысла из организованной, осмысленной информации, где смысл очевиден. На несовпадении значений и смыслов (так называемый семантический сдвиг) строятся многие техники комического.

Заслуживают детального изучения процессы взаимной трансформации значений и смыслов. Это противоположно направленным процессам означения смыслов и осмысления значений. Они замечательны тем, что составляют самое существо диалога, выступают средством, обеспечивающим взаимопонимание. Конечно, взаимопонимание не может быть абсолютным, полным. Всегда имеется зазор, дельта непонимания, связанного с трудностями осмысления значений, или недосказанности, связанной с трудностями не только означения смысла, но и его нахождения и воплощения. Недосказанность

218

в искусстве — это ведь и художественный прием, и следствие трудностей, испытываемых мастером при их осуществлении. Непонимание и недосказанность — это не только негативные характеристики общения. Они же составляют необходимые условия рождения нового, условия творчества, развития культуры. Можно предположить, что именно в месте встречи процессов означения смыслов и осмысления значений в зазоре их несовпадения рождается новое. Конечно, подобные встречи не происходят автоматически. А. Н. Леонтьев любил повторять, что встреча потребности с предметом — акт чрезвычайный. Подобной характеристики заслуживает и акт встречи значения со смыслом. На самом деле всегда имеется полисемия значений и полизначность смыслов, имеется избыточное поле значений и избыточное поле смыслов. Преодоление этой избыточности на полюсах внешнего или внутреннего диалога, к тому же диалога нередко эмоционально окрашенного, задача действительно непростая. Обратимся к компонентам бытийного слоя сознания.

Биодинамическая ткань. Движение и действие имеют внешнюю и внутреннюю формы. Биодинамическая ткань — это наблюдаемая и регистрируемая внешняя форма живого движения, рассматривавшегося Н. А. Бернштейном как функциональный орган индивида. Использованием для его характеристики термина «ткань» подчеркивается, что это материал, из которого строятся целесообразные, произвольные движения и действия. По мере их построения, формирования все более сложной становится внутренняя форма, внутренняя картина таких движений и действий. Она заполняется когнитивными (образ ситуации и образ действия), эмоционально-оценочными, смысловыми образованиями. Неподвижное существо не могло бы построить геометрию, писал А. Пуанкаре. А построенная наукой геометрия до сего времени пасует перед топологической сложностью живого движения. А. А. Ухтомский утверждал наличие

осязательной геометрии. Подлинная целесообразность и произвольность движений и действий возможна тогда, когда слово входит в качестве составляющей во внутреннюю форму или картину живого движения. Чистую, лишенную внутренней формы биодинамическую ткань можно наблюдать при моторных персеверациях, в квазимимике, в хаотических движениях младенца и т. п. Биодинамическая ткань избыточна по отношению к освоенным скупым, экономным движениям, действиям, жестам, как избыточны степени свободы кинематических цепей человеческого тела.

Чувственная ткань. Подобно биодинамической ткани чувственная ткань представляет собой строительный материал образа. Ее наличие доказывается с помощью достаточно сложных экспериментальных процедур. Например, при стабилизации изображений относительно сетчатки, обеспечивающей неизменность стимуляции, наблюдатель поочередно может видеть совершенно разные зрительные картины. Изображение представляется ему то плоским, то объемным, то неподвижным, то движущимся и т. п. [14]. В функциональных моделях зрительной кратковременной памяти чувственная ткань локализуется в таких блоках, как сенсорный регистр и иконическая память. В этих блоках содержится избыточное количество чувственной ткани. Скорее всего, она вся необходима для построения образа, хотя используется при его

219

построении или входит в образ лишь ее малая часть.

Как биодинамическая, так и чувственная ткань, составляющие «материю» движения и образа, обладают свойствами реактивности, чувствительности, пластичности, управляемости. Из их описания ясно, что они теснейшим образом связаны со значением и смыслом. Между обеими видами ткани существуют не менее сложные и интересные взаимоотношения, чем между значением и смыслом. Они обладают свойствами обратимости и трансформируются одна в другую. Биодинамическая и чувственная ткань попеременно выступают то как внешняя, то как внутренняя формы действия, образа и слова. Для произнесения последнего характерно артикуляционное чувство. Для иллюстрации их взаимодействия подходит образ ленты Мёбиуса. Взаимодействие биодинамической и чувственной ткани приводит к формированию моторных и перцептивных схем. Развернутое во времени движение, совершающееся в реальном пространстве, постепенно трансформируется в симультанный образ пространства, как бы лишенный координаты времени. В свою очередь пространственный образ, как сжатая пружина, может развернуться во временной рисунок движения. Существенной характеристикой взаимоотношений биодинамической и чувственной ткани является то, что их взаимная трансформация является средством преодоления пространства и времени, обмена времени на пространство и обратно.

На бытийном уровне сознания решаются задачи, фантастические по своей сложности. Индивид обладает пространством сформированных образов, большинство из которых полизначны, т.е. содержат в себе не единственное перцептивное значение. Аналогично этому пространство освоенных движений и предметных действий полифункционально: каждое из них содержит в себе не единственное операциональное значение. Следовательно, для эффективного в той или иной ситуации поведения необходима актуализация нужного в данный момент образа и нужной моторной схемы (программы). И тот, и другая должны быть адекватны ситуации, но это лишь общее условие. Даже правильно выбранный образ обладает избыточным числом степеней свободы по отношению к оригиналу, которое должно быть преодолено. Аналогично этому при реализации моторной программы должно быть преодолено избыточное число степеней свободы кинематических цепей человеческого тела. Иными словами, две свободные системы в момент своего взаимодействия при осуществлении сенсомоторных координаций становятся жесткими, однозначными, — только в этом случае поведение будет адекватным ситуации, впишется в нее, решит смысловую задачу. Но для этого образ действия должен вписываться в образ мира или в образ нужной для осуществления поведения его части. Подчеркнем, что на бытийном уровне решаемые задачи практически всегда имеют смысл, на рефлексивном они могут быть и бессмысленными. Поэтому важна координация деятельности обоих уровней сознания, согласование друг с другом смысловой перспективы каждого из них.

Наблюдаемость компонентов структуры. Биодинамическая ткань и значение доступны постороннему наблюдателю, различным формам регистрации и анализа. Чувственная ткань и смысл лишь частично доступны самонаблюдению. Посторонний наблюдатель

220

может делать о них заключения на основе косвенных данных, таких, как поведение, продукты деятельности, поступки, отчеты о самонаблюдении, изоциренные экспериментальные процедуры, психотерапевтическая и психоаналитическая практика и т.д. Чувственная ткань частично манифестирует себя в биодинамической, смыслы — в значениях, в том числе в значениях второго порядка, в со-значениях. Следует сказать, что как биодинамическая ткань, так и значение выступают перед посторонним наблюдателем лишь своей внешней формой. Внутреннюю форму движения, действия, значения, слова приходится расшифровывать, реконструировать. Наибольшие трудности вызывает исследование смысла, хотя он присутствует не только во всех компонентах структуры, но и воплощается в продуктах деятельности субъекта.

Различия в наблюдаемости компонентов, трудности в реконструкции ненаблюдаемого приводят к тому, что нечто, данное пусть даже в самонаблюдении, выдается за целостное сознание, а данное постороннему наблюдателю кажется не слишком существенным для анализа такого

субъективного, более того — интимного образования, каким кажется сознание, и отвергается вовсе, не включается в контекст его изучения. При этом не учитывается, что образ мира и смысл в принципе не могут существовать вне биодинамической ткани движений и действий, в том числе перцептивных и умственных, вне значений и материи языка. Смысл по своей природе комплементарен: он всегда смысл чего-то — образа, действия, предмета, значения, жизни, наконец. Из них он извлекается или в них вкладывается. Иногда даже кажется, что было бы лучше, если бы все компоненты были одинаково доступны или одинаково не доступны внешнему наблюдателю. В первом, к сожалению, нереальном случае это бы облегчило задачу непосредственного исследования, во втором, к счастью, тоже нереальном случае, допускало бы значительно больший произвол в манипулировании сознанием, но, как когда-то сказал Дж. Миллер, человек (добавим — и его сознание) создан не для удобства экспериментаторов (добавим — и манипуляторов)

Относительность разделения слоев. В рефлексивном слое, в значениях и смыслах, конечно, присутствуют следы, отблески, отзвуки бытийного слоя. Эти следы связаны не только с тем, что значения и смыслы рождаются и бытийном слое. Они содержат его в себе и актуально. Выраженное в слове значение содержит в себе не только образ. Оно в качестве своей внутренней формы содержит операционные и предметные значения, осмысленные и предметные действия. Поэтому само слово рассматривается как действие. Аналогичным образом и смысл не являемся пустым. Он, как кровеносная система (метафора Г. Г. Шпета), орошает и питает более плотные образования (образ, действие, слово), которые выступают для него в роли материи. Структура сознания, как и оно само, является целостной, хотя и включает в себя различные образующие. В то же время на различиях в образующих основаны противоречия, возникающие в сознании, его болезни и деформации, связанные с гипертрофией в развитии той или иной образующей, в ослаблении или даже в разрыве связи как между слоями, так и между их образующими. В таких случаях мы говорим о разорванном, больном сознании.

221

Бытийный слой сознания несет на себе не только печать развитой рефлексии, но и содержит в себе ее истоки и начала. Смысловая оценка связана с составляющими биодинамической и чувственной ткани, она нередко осуществляется не только во время, но и до формирования образа или совершения действия. В терминах М. М. Бахтина такие состояния можно назвать ощущением порождающей активности. Иногда они доступны самонаблюдению. Сейчас выясняется механизм этого явления. Как обнаружено в исследованиях Н. Д. Гордеевой и В. П. Зинченко [5], биодинамическая ткань движения не только связана с чувственной тканью, но и обладает собственной чувствительностью. Вместе они обеспечивают то, что А. В. "Запорожец называл чувствительностью движения. Последняя

неоднородна: имеется чувствительность к ситуации и чувствительность к осуществляющемуся или потенциальному движению. Эти две формы чувствительности наблюдаются, точнее, регистрируются со сдвигом по фазе. Их чередование во времени осуществления даже простого движения руки происходит 3—4 раза в секунду. Это чередование обеспечивает основу элементарных рефлексивных актов, содержание которых составляет сопоставление ситуации с промежуточными результатами действия и возможностями его продолжения. Подобные акты названы авторами фоновой рефлексией. Сейчас ведется поиск таких актов в процессах формирования образа ситуации.

Таким образом, бытийный слой не только испытывает на себе влияние рефлексивного, но и сам обладает зачатками или исходными формами рефлексии. Поэтому бытийный слой сознания с полным правом можно назвать со-рефлексивным. Как говорилось выше, и рефлексивный слой сознания не лишен бытийственности. Его можно назвать со-бытийным. Иначе не может быть, т. к., если бы каждый из слоев не нес на себе печать другого, они не могли бы взаимодействовать и даже узнавать друг друга.

Важно отметить, что речь идет именно о печати, а не о тождестве. М. К. Мамардашвили в качестве главного в марксовом понятии практики выделяет «подчеркивание таких состояний бытия человека — социального, экономического, идеологического, чувственно-жизненного и т. д., — которые не поддаются воспроизведению и объективной рациональной развертке на уровне рефлексивной конструкции, заставляя нас снять отождествление деятельности и ее сознательного идеального плана, что было характерно для классического философствования. В данном случае нужно различать в сознательном бытии два типа отношений. Во-первых, отношения, которые складываются независимо от сознания, и, во-вторых, те отношения, которые складываются на основании первых и являются их идеологическим выражением (так называемые "превращенные формы сознания")» [21]. В нашей терминологии первый тип отношений имеет место в бытийном слое сознания, второй — в рефлексивном. Хотя, когда речь идет об идеологии, нередко превращенные формы сознания становятся извращенными, рефлексия утрачивает право голоса, а ее возможный результат — понимание — заменяется автоматизмом, рефлексом, когда человек утрачивает свое Я (ведь рефлексия — это рефлекс-и-Я). Слово, речь превращаются даже не во вторую, а в первую сигнальную систему (хотя и

222

вторая сигнальная система, как объяснял студентам А. Р. Лурия, — это бывшая речь).

Гетерогенность компонентов структуры сознания. Первопричиной родства бытийного и рефлексивного слоев является наличие у них общего культурно-исторического генетического кода, который заложен в социальном (совокупном) предметном действии, осуществляющемся в слиянном общении и обладающим порождающими свойствами [17; 30].

Конечно, рождающиеся в действии образы, смыслы, значения приобретают собственные свойства, автономизируются от действия, начинают развиваться по своим законам. Они выводимы из действия, но не сводимы к нему, что и дает основания рассматривать их в качестве относительно самостоятельных и участвующих в образовании сознания. Но, благодаря наличию у них общего генетического источника, благодаря тесному взаимодействию каждого компонента структуры в процессах ее развития и функционирования со всеми другими, они все являются не однородными, а гетерогенными образованиями. Общность генетического кода для всех образующих создает потенциальную, хотя и не всегда реализующуюся, возможность целостного сознания. Эта же общность лежит в основе взаимных трансформаций компонентов (образующих) сознания не только в пределах каждого слоя, но и между слоями. Образ осмысливается, смысл воплощается в слове, в образе, в поступке, хотя едва ли исчерпывается этим. Действие и образ означаются и т. п.

Наличие различных, хотя и гетерогенных компонентов (образующих) означает, что и сам процесс образования (становления, развития) сознания представляет собой *гетерогенез*, а становящаяся структура сознания гетерогенна. Как известно, разнообразие компонентов, конституирующих целую структуру, обеспечивает ее устойчивость, если угодно — жизнеспособность. Предупрежу возможное недоумение читателя по поводу того, что в предложенной структуре не нашлось места аффектам. Ф. М. Достоевский, несомненно, был прав, говоря, что ведь страдание — это единственная причина сознания. Соглашаясь с ним, скажу, что гетерогенность, относится ли она к единицам анализа психики [17], или к образующим сознания, подразумевает наличие в них аффективных составляющих. Р. Декарт в свое время писал, что действие и страсть — одно. Не беспристрастны и образы, рождающиеся посредством исполнительных, перцептивных и умственных действий. Эмоции присутствуют в восприятии и выражении значений, особенно значений второго порядка, со-значений. Что касается смысла, то он, по определению, пристрастен, будь он жизненный или личностный, и порождается, как и само сознание, в деятельности переживания (Ф. Е. Василюк). Еще более отчетливо аффективная сфера представлена в духовном слое сознания, к характеристикам которого мы переходим.

4. О духовном слое сознания

Выше было развито представление о двухслойной структуре сознания. Эта структура недостаточна. Духовный слой сознания в человеческой жизни играет не меньшую роль, чем бытийный (экзистенциальный) и рефлексивный слои. Однако требуется немалая концептуальная работа для того, чтобы без противоречий «вписать» духовный

слой в структуру сознания. В психологии еще слишком мало опыта обсуждения проблем на основе трехслойной модели. Вероятно, придется поучиться у философов, к примеру, у Гегеля, Франка, Шелера, хотя если бы это было просто, то психологи давно бы так поступили. Ведь учение Гегеля о субъективном духе состоит из трех разделов — антропологии, феноменологии и психологии, которым в первом приближении могут быть поставлены в соответствие три слоя сознания. Это задача, входящая в перспективу ближайшего развития. Здесь же хотелось бы поделиться предварительными соображениями о духовном слое сознания, в котором должно найти место человеческое Я.

Наличие духовного слоя очевидно. Более того, в структуре целого сознания он должен играть ведущую роль, одушевлять и воодушевлять бытийный и рефлексивный слои. Чтобы быть последовательными, мы должны поставить вопрос об образующих духовного слоя. В качестве таких образующих, как и в предыдущих случаях, не могут выступать «чистые» субъективности. Напомню, что в бытийном слое в качестве, по крайней мере, квазипредмета выступала биодинамическая ткань, способная вкупе с чувственной становиться образом, в том числе и образом собственной деятельности, или фантомом. В рефлексивном слое в качестве компонента, репрезентирующего объектность и объективность, выступало значение, которое способно вкупе со смыслом становиться со-значением, личностным и живым знанием или заблуждением, ментальной иллюзией. Соответственно, чувственная ткань и смысл репрезентировали человеческую субъективность.

Видимо, в духовном слое сознания человеческую субъективность представляет Я в его различных модификациях и ипостасях. Именно это Я, составляющее момент всякого сознания, должно рассматриваться в качестве одной из образующих духовного слоя сознания — его субъективной или субъектной составляющей. Эти положения не противоречат понятию личности в философской антропологии: «Личность — центр духовных актов, по Максиму Шелеру, и, соответственно, центр всего сознания, который сам не может быть, однако, осознан» [27, с. 100]. Парадокс в том, что «центр духовных актов» не осознает структуру сознания.

В качестве объективной образующей в духовном слое может выступать Другой или, точнее, Ты. Здесь будет использована плоскость анализа Я — Ты, артикулированная Гегелем, развитая М. Бубером, М. М. Бахтиным. Эту плоскость анализа Бубер противопоставлял как индивидуализму, так и коллективизму, для которых, по его мнению, закрыта целостность человека: «Индивидуализм видит человека в его обращенности к самому себе, коллективизм же вообще не замечает человека. Он видит лишь "общество". Там человеческий лик искажен, здесь он замаскирован» [3, с. 228]. Автор считает ошибочным выбор между индивидуалистической антропологией и коллективистской социологией. Он находит третий путь, выводящий за пределы индивидуализма и коллективизма. Для него основополагающим фактором человеческой экзистенции является отношение «человек с человеком». Здесь между человеческими существами происходит «что-то»

такое, равное чему нельзя отыскать в природе. Язык для этого «что-то» — лишь знак и медиум,

224

через «что-то» вызывается к жизни всякое духовное деяние [3, с. 230].

В логике Д. Б. Эльконина Я — Ты первоначально выступает как совокупное Я, являющееся агентом, актором совокупного действия, «слиянного общения» (термин Г. Г. Шпета). У М. Бубера каждый из двоих — особенный ДРУГОЙ, выступающий не как объект, а как партнер по жизненной ситуации. Хотя М. Бубер считает ошибочным рассматривать межчеловеческие отношения как психологические, рискну предположить, что его «что-то» представляет собой начало и условие проникновения (заглядывания) внутрь самого себя. Такому предположению отвечают и размышления М. Бубера, согласно которым целостность личности, ее динамический центр не могут быть осознаны путем созерцания или наблюдения. Это возможно лишь тогда, когда я вступаю в элементарные отношения с Другим, т.е. когда он становится присутствующим для меня. Отсюда М. Бубер и определяет осознание как осуществление личного присутствия. В этой плоскости Я — Ты образуется «тонкое пространство личного Я, которое требует наполнения другим Я». Эту же мысль мы находим в давней работе Г. Г. Шпета: «Само я как единство множества других "единств сознания" есть коллектив и собрание» [29, с. 306].

Пространство, полагаемое существованием человека в качестве человека и понятийно еще не постигнутое, М. Бубер называет сферой МЕЖДУ. Именно эту сферу он считает изначальной категорией человеческой действительности. Эта действительность локализована не во внутренней жизни одинокого человека и не в охватывающем личность конкретном всеобщем мире, она фактически обнаруживается МЕЖДУ людьми. Это МЕЖДУ «не является вспомогательной конструкцией — наоборот, это место и носитель межчеловеческого события. Оно не привлекало к себе особого внимания, потому что в отличие от индивидуальной души и окружающего мира не являет собой гладкую непрерывность, но всякий раз складывается заново, в зависимости от масштаба человеческой встречи» [3, с. 230—231]. Масштаб диалога может быть и такой, когда «бездна призывает бездну». Это трудный пункт в размышлениях М. Бубера, но он вполне отвечает идеям диалогической и полифонической природы сознания М. М. Бахтина. Он отвечает и идеям Л. С. Выготского, искавшего природу ИНТРАиндивидуальности в ИНТЕРиндивидуальности, и идеям А. А. Ухтомского о «доминанте на лицо другого». Если таковая у человека отсутствует, то о нем самом нельзя говорить как о лице. Соответственно, сфера МЕЖДУ не может существовать вне языка, вне психологических орудий — медиаторов. Эта сфера заполняется собственными и заимствованными у медиаторов «силовыми линиями». При нарушении диалогизма или «диалогики», по мнению М. Бубера, язык этой сферы сжимается до точки, человек утрачивает человеческое.

У М. Бубера отчетливо выступает еще одна грань этого процесса. Он противопоставляет отношения между человеком и человеком отношению человека к миру: «Со мной случилось нечто — вот обстоятельство, которое может быть без остатка распределено между "внешним" событием и "внутренним" впечатлением. Но когда я и кто-то другой, если употребить корявое, но не имеющее эквивалента выражение, "приключаемся" друг к другу,

225

расчет не удастся: там, где заканчивается душа, но еще не начался мир, получается остаток, а в нем-то и заключена самая суть [3, с. 231]. А этой сутью является возбуждение духовной деятельности, делающей человека человеком.

У Л. С. Выготского и Д. Б. Эльконина, как и у М. Бубера, Я изначально также следует из Ты. Но в рассуждениях последнего имеется и другой смысл, поскольку Ты у него — не только антропологическая и психологическая проблема, но и проблема теологическая («Вечное Ты»). Но мне сейчас важнее искать не столько различия во взглядах ученых, сколько общие черты. А общность состоит в том, что формированию человеческих отношений к миру, в соответствии с их взглядами, предшествует возвращение человеческого отношения к человеку, в чем, видимо, и заключается подлинная духовность, подлинная со-бытийность жизни и истоки сознания.

Говоря о привычных оппозициях (или связях) — человек и мир, человек и общество, человек и человек — нельзя не вспомнить размышления на эти темы С. Л. Рубинштейна, которого эти проблемы волновали с самого начала его научной биографии. К. А. Абульханова-Славская приводит показательные отрывки из рукописи С. Л. Рубинштейна 20-х гг.: «2. Активность субъектов и их бытие. Бытие — это не в их независимости друг от друга, а в их соучастии. Каждое построение бытия других совершает работу скульптора. 3. Познание в соучастии и формировании (не просто через отношение к другому существенному для каждого субъекта, а через активное воздействие)...» [1, с. 14]. На склоне лет С. Л. Рубинштейн писал, что общественный план все же «никогда не вытеснял вовсе застрявшие в моем сердце вопросы о нравственном плане личных отношений человека к человеку» [26, с. 419].

В незаконченной книге «Человек и мир» С. Л. Рубинштейн в принципиальном плане отдавал приоритет отношениям человек — мир: «отношения человека к человеку, к другим людям нельзя понять без определения исходных отношений человека к миру как сознательного и деятельного существа» [25, с. 343]. В вопросе о генезисе феноменологических компонентов отношения Я — Ты у него довольно четко выражен приоритет Я: «Каждый индивид как "я" отправляется от "ты", "он" (2-е, 3-е лицо), когда "я" уже осознано как таковое. Так что нельзя сказать, что "ты" как таковое предваряет "я", хотя верно, что другие субъекты

предваряют мое осознание себя как "я"» [25, с. 334]. И все же С. Л. Рубинштейн «метался» между «я» и «ты»: «Для человека другой человек — мерило, выразитель его "человечности"...». И далее: «Фактически, эмпирически, генетически приоритет принадлежит другому "я" как предпосылке выделения моего собственного "я"» [25, с. 338, 339]. Наверное, все-таки приоритет принадлежит пространству «между». В грехе, как и в добродетели, повинны обе стороны.

В продолжение этой мысли интересный вариант развития личности в результате видения отраженного Я в другом предложил В. А. Петровский [23]. Очень многое роднит его подход как с представлениями С. Л. Рубинштейна, так и М. Бубера о взаимоотношениях Я и Ты. В. А. Петровский предполагает, что процесс развития Я в результате взаимодействия с Ты другого может быть дополнен процессом, разворачивающимся в результате отражения собственного Я в другом. В этом

226

случае собственное Я, наблюдая отраженное Я в другом, как в зеркале, может развиваться, преодолевая различия самовосприятия собственного Я и восприятия собственного Я в другом (соответственно, Я-концепция и Меня-концепция).

Для меня сейчас не так уж важно определение «истинного» приоритета, будь то Я или Другой. Важнее преодолеть приоритет коллектива, группы, класса, нации, стаи, стада. Важно не поддаваться на провокационное и нередко страшное Мы. Сошлюсь на Г. Померанца, писавшего о своих студенческих годах: «"Мы"... в моих глазах постепенно теряло человеческий облик, становилось маской, за которой шевелилось что-то гадкое, липкое. Я не мог тогда назвать это что-то, не знал его имени. Сейчас я думаю, что в 1937— 1938 годах революционное "Мы" умерло, стало разлагающимся трупом, и в этом трупе, как черви, кишели "они". Те самые, имя которым "легион"» [24, с. 149]. К несчастью, в этих словах очень точно раскрыт смысл центрального психолого-педагогического принципа советского воспитания: «личность — продукт коллектива». Скорее — основа! Правда, возлагать ответственность за формирование отвратительных форм «Мы», «Они» исключительно на систему воспитания было бы несправедливо, хотя свой «вклад» в это она несомненно, внесла. Здесь имеются более глубокие механизмы, до познания которых еще довольно далеко. Специалисты в области мифологии Э. Дуте и Э. Кассирер называют мифических богов и демонов (добавлю к ним и диктаторов-выродков) «олицетворенным коллективным желанием» [18, с. 157].

Обратим внимание также на то, что не имеющие названия «что-то» М. Бубера и Г. Померанца имеют противоположный знак. Но, наверное, было бы преувеличением сказать, что «что-то» во взаимодействии Я — Ты — всегда божественное, а «что-то» во взаимодействии Я — Мы, Я — Они — всегда сатанинское. Рационально и реалистично настроенный Г. Г. Шпет,

завершая свои размышления о Я, сказал, что ему (Я) не обойтись без обращения на «ты» и без признания «мы».

Что касается мира и другого, то разница между ними весьма и весьма относительна. Ведь, если другой — это целый мир, то встреча с ним это счастье, если есть способность к «прозрению и познанию сущности другого человека» [25, с. 374]. В любом случае «Я для другого человека и другой для меня — является условием нашего человеческого существования» [25, с. 373]. С этой точки зрения Ты выступает в двух ипостасях: и как субъект-, и как объект-партнер, имеющий в себе свой собственный мир. В этом смысле я не нарушаю логику субъективности-объективности, вводя Я — Ты в число образующих сознания. Во взаимоотношениях Я — Ты, порождающих духовный слой сознания, также происходит движение противоположно направленных процессов, но на сей раз — это — обозначим их пока — экстерииоризация и интерииоризация, которые лежат в основе не только дорогой сердцу педагогики и психологии социализации, но и индивидуализации. Без нее невозможно свободное Я, остающееся во всем самим собой.

Я столь подробно остановился на ранних и поздних взглядах С. Л. Рубинштейна потому, что он первый (с 1958 г., когда возник замысел книги «Человек и мир») продолжил традиции российской нравственной философии

227

и психологии, имея при этом весьма и весьма смутные перспективы на публикацию при жизни. Я, правда, подозреваю, что в нем самом эти традиции никогда не прерывались, а, скорее, утаивались, к тому же не очень умело. Он оставался самим собой. Замысел книги, посвященной в основном проблемам этики, был, видимо, связан с его трепетным отношением к смерти. Смерть он рассматривал как «Завершение — обращение к своему народу и человечеству» (т.е. он действительно был космополитом не в сталинско-ждановском, а в подлинном и возвышенном смысле этого слова): «Смерть моя — для других — остающаяся жизнь после моей смерти — есть мое не-бытие. Для меня самого, т. е. для каждого человека, для него самого смерть — последний акт, завершающий жизнь. Он должен отвечать за свою жизнь и в свою очередь определять ее конечный смысл. Отношение к своей смерти как отношение к жизни» [26, с. 415, 420]. Эти размышления о смерти созвучны размышлениям М. К. Мамардашвили о своей судьбе и о своей «планиде»: «А планида наша — мастеровой труд, в себе самом исчерпывающееся достоинство ремесла, «пот вещи», на совесть сработанной. Сказав это, я чувствую, насколько это похоже на клятву О. Мандельштама "четвертому сословию". Поэтому то же самое, что я сказал о философах, гораздо поэтичнее можно сказать его же, Мандельштама, словами: "Мы умрем, как пехотинцы, но не прославим ни хищи, ни поденщины, ни лжи"» [22, с. 199].

Размышления о жизни и смерти приведены в контексте обсуждения проблемы духовного слоя сознания не случайно. Как-то М. К. Мамардашвили на вопрос А. Н. Леонтьева «С чего начался человек?» ответил: «С плача по умершему». Можно предположить, что отношения Я — Ты столь же интимны в жизни человека, сколь интимны его представления о жизни и смерти. Возможно, они даже эквивалентны. Если это действительно так, то образующими духовного слоя сознания могут выступать, наряду с реальными отношениями Я — Ты, действительные или мнимые представления человека о жизни и смерти (последователи и поклонники В. С. Соловьева могут подставить представления о любви и смерти).

Духовный слой сознания, конструируемый отношениями Я — Ты, формируется раньше или как минимум одновременно с бытийным и рефлексивным слоями. Иными словами, формирование сознания едва ли осуществляется поэтапно, впрочем, как и формирование подлинно высших психических функций, а не отдельных утилитарных умственных и других действий (пора отказываться от унылого советского лексикона: лагерь, этап, новый человек, зона, светлое будущее и т. п.). Формирование сознания — это единый синхронистический акт, в который с самого начала вовлекаются все его образующие. Иное дело, что этот акт может продолжаться всю жизнь и, конечно, не совершается автоматически.

Духовный слой сознания — это особая онтология, к которой психология, в отличие от бытийного и рефлексивного слоев, прикасалась лишь изредка, поскольку она шла вслед за традиционными оппозициями «человек и мир», «человек и общество», «человек и машина», не говоря уже о примитивных оппозициях «материя и сознание» или «мозг и сознание». Это особая онтология, по словам М. Бубера, обнаруживает себя лишь между двумя трансцендирующими

228

личностями: «Царство МЕЖДУ находится там, где встречаются Я и Ты, на узком горном хребте, по ту сторону объективного и субъективного» [2, с. 96]. Образ узкого горного хребта очень точен. Если бы мы попытались изобразить модель сознания, она бы не уместилась на плоскости. Духовный слой сознания — это на самом деле его вертикальное измерение. И вершиной его, несомненно, окажется символ. Я, конечно, понимаю, что и бытие не одномерно (если это не быт), но духовный слой сознания — это прорыв за многомерность бытия. Такой прорыв порой взрывает бытие или заставляет бытие оцепенеть и замерзнуть.

5. Структура сознания в целом

Обратимся к предложенной структуре сознания в целом и рассмотрим некоторые ее общие свойства сквозь призму действия, памятуя о гегелевском положении — истинное бытие человека есть человеческое действие. В нем индивидуальность действительна. Предложенная структура —

деятельностна, действенна, потенциально событийна, так сказать, вписана в бытие. Она сохраняет по отношению к бытию некоторую автономию, оставаясь сознанием бытия. В этом смысле она отвечает тезису М. К. Мамардашвили о существовании единого континуума бытия — сознания. Структура строилась на предположении о том, что жизнь и игра сознания невозможны вне противоположно направленных диалогических актов субъективации объективного и объективации субъективного. Само наличие таких актов свидетельствует о необходимости расширения понятия объективного за счет включения в его орбиту также и описания предметов, естественные проявления которых содержат в себе отложения субъективно-деятельностных проявлений действительности [15].

Жизнь и игра сознания по-разному протекают на каждом из выделенных его слоев. На бытийном слое в актах взаимодействия биодинамической и чувственной ткани происходит очувствление движения (субъективация объективного) и испытание, реализация чувственного (объективация субъективного). Как говорилось выше, возникающие в ходе взаимодействия биодинамической и чувственной ткани эффекты, названные фоновой рефлексией, в качестве результата дают основания для принятия решения о возможности осуществления действия, поведенческого акта. Подчеркнем, пока речь идет только о возможности, что, впрочем, не так мало. А. А. Ухтомский говорил, что судьба реакции (в широком смысле — действия) решается не на станции отправления, а на станции назначения. Посмотрим, что делается на следующей «станции», т.е. в рефлексивном слое сознания, работа которого тоже имеет отношение к судьбе действия. В противоположно направленных актах осмысления значений (субъективация объективного) и означения смыслов (объективация субъективного) достигается понимание. Конечно, понимание может быть вполне бескорыстным, оно ведь несет награду в самом себе и далеко не всегда осуществляется в интересах действия. Но там, где такое происходит, требуется понимание не только возможности, но и целесообразности действия. Едва ли нужно говорить, что достижение такого понимания часто связано с мучительными колебаниями. Но даже когда понимание достигнуто и действие признано целесообразным, — это еще не последняя

229

инстанция. Необходимо участие духовного слоя сознания — инстанции, способной взять на себя ответственность за последствия осуществления действия.

Относительно духовного слоя сознания едва ли можно столь же однозначно указать на акты, субъективации объективного и объективации субъективного. К первым относятся подражание, сочувствие, сопереживание, духовный поиск, овладение, одним словом — интериоризация или интроекция опыта, ко вторым — опредмечивание собственного Я, самоидентификация, самореализация (когда есть что реализовать), построение Я-концепции, словом — различные формы трансцендирования Я,

которые можно обозначить как экстериоризацию или экстраекцию. Зато и результаты этих сложных форм деятельности могут быть довольно богатыми. К самым значительным результатам — относятся осознающая свое место в мире личность, способная к свободному, ответственному действию-поступку. Желательно, чтобы такое действие не было глупым и осуществлялось с учетом понимания его целесообразности и возможностей реализации. Это требует привлечения к его организации и построению рефлексивного и бытийного слоев сознания. Не стану фантазировать, работают ли слои, вовлекаемые в тот или иной акт, последовательно или параллельно. Скорее всего, это некоторый пул, в котором принимают участие все слои и все компоненты структуры сознания.

Если представить предлагаемую структуру сознания в целом, то рефлексивный слой занимает в ней промежуточное место между бытийным и духовным слоями. Рефлексивный слой, наряду со своими собственными функциями, выполняет по отношению к другим слоям своего рода контрольные функции: он не позволяет бытийному слою слишком заземляться, совсем погружаться в быт (ср. В. Маяковский: «Любовная лодка разбилась о быт»), а духовному — чрезмерно воспарять и вовсе отрываться от реальности и растворяться в мифах, например: «Мы поднимаемся только на те башни, которые сами можем построить» (О. Мандельштам). Рефлексивный слой как бы подчиняется фрейдовскому принципу реальности.

Разумеется, функции сознания далеко выходят за пределы непосредственного обеспечения деятельности и действия. Слава богу, есть поток сознания, который может далеко унести нас от них, в том числе в будущее, перенести в него смыслы, которые в свою очередь способны осветить настоящее и т. д. Есть медитация, покой, молчание, словом — есть место и время для спонтанной жизни сознания, для свободы и творчества (все это далеко выходит за пределы статьи).

Настало время вернуться к началу статьи и, прежде всего, к вопросу о сознании как предмете психологии. Ответ на него, собственно, содержится в эпиграфе, взятом из «Эстетических фрагментов» Г. Г. Шпета. Предмет психологии сознания — это Игра и Жизнь сознания, Слово на Слово, Диалог. Но слово, понятое как Логос, т.е. как слово и дело, как разум и смысл. Слово во всем богатстве своих внешних и внутренних форм, изучавшихся В. Гумбольдтом, А. А. Потебней, Г. Г. Шпетом и др. Г. Г. Шпет даже провозгласил слово (а не чувственность) главным принципом познания (что, правда, не отменяет золотого правила: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать).

230

Психологическое изучение сознания нельзя ограничить отражением, ориентировкой, даже поиском. Кажется, С. Дали сказал: я не ищу, я нахожу. Здесь нужен более сильный образ, чем поиск. Когда я работал над текстом, меня преследовал и вел платоновский образ охоты, которая, как известно, пуще неволи. Согласно Платону, чувственность охотится за идеями, чтобы

стать чем-то определенным, а идея охотится за чувственностью, чтобы осуществиться. У Спинозы, память — это ищущий себя интеллект. По этой же логике живое движение — это ищущий себя смысл. Да и сам человек ищет самого себя с помощью сознания, а не только ориентируется в мире. Охотится за своим предметом и наука (пока она жива), в том числе и психология. Предложенная в статье структура сознания — это не больше, чем возможный предмет психологии сознания (но и не меньше!). Или — это психологическая проекция возможного, развитого сознания. В этом пункте, чтобы меня не приняли за afterпостмодерниста, мечтающего о небытийной реальности, уместно вспомнить, что за мной числится должок. Не могу не посочувствовать и не помочь коллегам психофизиологам, хлопочущим о нейронах сознания. Нейроном даже не слишком богатого сознания, описанного в настоящей статье, является весь человек, с духом, с душой, с телом. С его настоящим, прошлым и будущим. Трижды так!

Несколько слов в заключение. Мыслимая структура сознания не только полифонична, но и полицентрична. Каждая из образующих бытийного, рефлексивного и духовного слоев сознания может стать его центром. Смена таких зафиксировавшихся (иногда болезненно) центров тем легче, чем выше духовная вертикаль, представленная в сознании. А подобная смена (смены) необходима, поскольку сознание должно быть открытым, свободным и всеобъемлющим, если, конечно, оно не отравлено и не заместилось идеологией, «обманами путеводными», т.е. «ложным сознанием». Смена необходима и для поиска точки опоры, для самопознания. Другими словами, полицентризм столь же необходим сознанию, как моноцентризм — совести. Полицентризм и плюрализм совести равнозначны ее отсутствию. Но это уже философия (и онтология) не психологии, а этики, морали, нравственности, которые, впрочем, не должны быть чужды и психологии.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Принцип субъекта в философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. — М., 1989.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений в 6 томах. — М., 1998—2002.
3. Бубер М. Два образа веры. — М., 1995.
4. Велихов Е. П., Зинченко В. П., Лекторский В. А. Сознание: опыт междисциплинарного исследования // Вопросы философии. — 1988. — № 11. — С. 3—30.
5. Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек, 2001, № 6.
8. Запорожец А. В. Избранные психологические труды. В 2-х т. — М., 1986.
9. Зинченко В. П. Искусственный интеллект и парадоксы психологии // Природа. — 1986. — № 2.
10. Зинченко В. П. Проблема образующих сознания в деятельностной теории психики // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. — 1988. — № 3. — С. 25—33.

11. *Зинченко В. П.* Культура и техника // Красная книга культуры? / Под ред. И. Т. Фролова. — М., 1989.

231

12. *Зинченко В. П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. — 1991- №2.

13. *Зинченко В. П.* Посох Манделъштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. — М., 1997.

14. *Зинченко В. П., Вергилес Н. Ю.* Формирование зрительного образа. М., 1969.

15. *Зинченко В. П., Мамардашвили М. К.* Об объективном методе в психологии // Вопросы философии. — 1977. — № 7. — С. 109—125.

16. *Зинченко В. П., Мамардашвили М. К.* Исследование высших психических функций и эволюция категории бессознательного // Вопросы психологии. — 1991. — № 10.

17. *Зинченко В. П., Смирнов С. Д.* Методологические вопросы психологии. М., 1983.

18. *Кассирер Э.* Тайна политических мифов // Октябрь. — 1993. — № 7.

19. *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения. В 2-х т. Т. 1. — М., 1983.

20. *Лефевр В. А.* Непостижимая эффективность математики в исследовании рефлексии // Вопросы философии. — 1990. — № 7.

21. *Мамардашвили М. К.* Сознание как философская проблема // Вопросы философии. — 1990. — № 10. — С. 3—18.

22. *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. — М., 1990.

23. *Петровский В. А.* Феномен субъектности в психологии личности. Автореферат дис. д-ра психол. наук. — М., 1993.

24. *Померанц Г.* Записки Гадкого утенка // Знамя. — 1993. — № 7.

25. *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. — М., 1973.

26. Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. — М., 1989.

27. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. — М., 1990.

28. *Шпет Г. Г.* Сочинения. — М., 1989.

29. *Шпет Г. Г.* Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды. — М., 2006.

30. *Эльконин Д. Б.* Избранные психологические труды. — М., 1989.

31. *Юлина Н. С. Д.* Деннет: самость как «центр нарративной гравитации» или почему возможны самостные компьютеры // Вопросы философии. — 2003. — № 2.

Послесловие редакции

Читатель только что закончил дело со-бытия Автору, рефлексией собственного сознания возвращая вместе с ним новые смыслы и со-

понимание. Автору прочитанной Вами статьи 10 августа исполнилось 75 лет. Каждой своей работой Владимир Петрович Зинченко совершает дело своей жизни и одновременно дело психологии — обнаруживая новые просторы сознания, ищущего и познающего меру своей свободы и ответственности. Сердечно поздравляем Автора с юбилеем и желаем новых открытий в постижении вертикали духа. Во втором выпуске нашего журнала за 2006 год мы публикуем интервью с Владимиром Петровичем (вторая часть этого интервью уже опубликована в журнале «Вопросы психологии», 2006, № 4).